

5 ЯНВ 1974

3 стр.

ЗНАМЕНИТЫЕ В ТУРКМЕНИИ

ЖЕМЧУЖИНА РУССКОЙ ЭСТРАДЫ

Январь 1914 года начался в Асхабаде небывалыми снежными метелями. Разгулом непогоды, наверное, и запомнился бы жителям «милого города» второй месяц зимы, если бы не Надежда Васильевна Плевицкая. Едва только весть о ее гастролях проникла в Туркестан, чарджуйский корреспондент газеты «Асхабад» прислал в редакцию восторженное письмо:

— Если прошлые годы были здесь слишком бедны развлечениями, зато настоящий зимний сезон покрывает все дефекты прошлых лет. Вероятно, с легкой руки оперной труппы г. Костаньяна сюда ожидается целое нашествие артистов. И каких?! Вазича, Михайловой, Плевицкой!

Артисты, приезд которых обрадовал закаспийца, теперь прочно забыты. Кто помнит Михаила Вазича, баритона, исполнителя романсов? Забыта Михайлова. Лишь очень пожилые люди помнят Плевицкую, жемчужину русской эстрады.

В мемуарах конференсье А. Г. Алексеева под снимками А. Вьяльцевой, В. Паниной, И. Кремер, Н. Плевицкой всего одна фраза. «Красивые? А как они пели!» Композитор Строк, когда Плевицкая исполняла песню «Простая любовь» — о переживаниях крестьянки, потерявшей на войне мужа, не мог от волнения аккомпанировать...

Если бы искусство не сопротивлялось вторжению спортивной лексики, то Плевицкую в пору расцвета ее таланта нарекли бы рекордсменкой по популярности. Одна петербургская газета утверждала, что «в Москве ее талант поставили выше всех политических партий и провозгласили усмирительницей парламентских бурь».

Нет, какая эта все-таки попытка, когда гастроль знаменитости начинались с Ташкента, а не с Красноводска. Целый месяц томительных ожиданий. Приходилось довольствоваться сбивчивыми рассказами командированных да отчетами в газетах. А сколько накопилось вопросов? Говорят, что голос ее уже утомлен. Вместо подлинной песни — стилизация. А драматические вещи вообще передаются артисткой значительно слабее, чем лирические и бытовые. Правда все это? А, может, не прав этот рецензент и прав другой, который пишет, что Плевицкая «умело и тонко разбирается в имеющемся материале; ярко, красиво и идеально тонко обрисовывает в каждой песне трагедию душевных переживаний». «Вообще, как так можно, сегодня писать прохрипы в нижнем регистре, а завтра курить фимиами — «В тоне, фразировке, мимике и даже пластике движений — во всем чувствуется присутствие большой серьезной школы, а с другой стороны искры могучего природного дарования».

Закаспий был знаком с полным собранием сочинений Плевицкой. В октябре 1910 года в Асхабаде, на Гоголевской площади в доме Н. Д. Тер-Микиртычева открылся художественный театр под управлением дирекции Н. И. Чаринова — не больше не меньше как по программе полного репертуара парижского «Художественного театра». Гвоздем программы, словно сильный магнит, притягивавший асхабадцев, стали ежедневные выступления единственного в России дамского имитатора и подражателя Анастасии Вьяльцевой и оригинальной русской певицы Нади Плевицкой, сеньора Арнольдини.

Ничего удивительного: весной экипаж вокруг концертов Плевицкой привлек к тому, что владельцы добавочных билетов в... фойе амфитеатра Большого зала столичной консерватории считали себя счастливыми.

Многие песни стали популярными благодаря тому, что их исполняла Плевицкая. Фирмы грамзаписи, наживаясь, исправно поставляли на местный рынок тысячи пластинок, напелых Надеждой Васильевной. О гибели «Варяга», бродяге в диких степях Забайкалья, ухаре — купце Хаз-Булате. Они имелись почти в каждом доме. Стремительный взлет певицы от подмошков заушных кафе-штанов до сцен лучших концертных залов обеих столиц породил в провинции огромный интерес к русской народной песне. Говорили и о баснословных гонорах певицы, дорогостоящих нарядах, бриллиантах. Приезжими передавались подробности ее выступления перед царствующим семейством. Николай II тогда ей посоветовал:

— Не надо вам учения, оставайтесь такая, какая есть.

Такая, какая есть, — значит, малограмотная, без профессионального музыкального образования. Напрасно прислушалась Надя к словам неумного монарха, напрасно отклонила дружес-

кий совет Л. Собинова о консерватории.

Вскоре проясняются подробности: 31 января Плевицкая даст в Асхабаде всего один концерт. При участии виртуоза на балалайке А. Д. Доброхотова и ее основного музыкального наставника, постоянного аккомпаниатора Александра Михайловича Заремы, автора песни «Шумел, горел пожар московский». Билеты заблаговременно продаются в книжном магазине Ф. Сорокина. Начало в половине девятого вечером. Цены на места — «гастролерские».

До Плевицкой начальнице и классным дамам зал женской гимназии казался обширным. Столько простора для па-де-катра, венгерки, кадрили, мазурки! За час до выступления певицы им это уже не казалось, хотя зал умудрился вместить «весь Асхабад». Плюс дюжину тайно проникших гимназисток, которым, конечно же, сбавят за поведение, поставят одиннадцать, как бы те ни молили о снисхождении.

Группа конторщиков — все в новеньких тужурках и красивых сатиновых косоворотках — уже отметилась в трактире, считала зрителей, прикидывала гонорар артистки, прищипывая, покачивая головами.

Лишь с появлением балалаечника и аккомпаниатора воцарилась тишина. По усеянному кофети полу величественной походкой направляется к авансцене Надежда Плевицкая. Полные достоинства поклоны уважаемой публике. Парадные мундиры сдержанно аплодируют. Поручик в светло-синем пенсне с золотой оправой поднимает артиллерийский бинсоль. Кампания друзей колотит его стэками по спине, требуя своей доли участия в созерцании знаменитости. Ничего особенного, господи. Обыкновенная баба в деревенском наряде. Улыбка на скуластом лице.

А концерт уже начался.

Лучина, лучинушка березовая...
Что же ты, лучинушка, не ясно горишь...

И многим с первых же звуков этой крестьянской песни вспомнился старинный лубок — ночь, изба, девушки за прялкой, одна встала и поправляет лучину. Перестал кривляться поручик. Внимательно слушает, как раскрывается перед ним песенная душа простого народа — «Ты взойди, солнце красное». Сколько ласки и любви к герою песни!

Следует чудо за чудом — «Когда я еще молодуюшкой была», «Плеточка», «На горушке катана». Снова и снова — в который уж раз за этот дивный вечер — публику окатывает волна задумчивой русской песни, ее ширь, ее бескрайность.

А. Зарема с особым удовольствием извлекает такие дорогие ему аккорды. Мгновение — и Плевицкая начинает:

Шумел, горел пожар
московский,

Дым расстилался по реке,
А на стенах вдали кремлевских
Стоял он в сером сюртуке.

Мороз по коже. Публика неистовствовала, награждала певицу шумными, громовыми рукоплесканиями.

А вот что написал о концерте Плевицкой рецензент газеты «Асхабад» В. Мишин: «Меритом величины и подлинности всякого дарования служит то обстоятельство, что с какой бы точки зрения эмоциональной или теоретической вы к нему ни подходили — дарование это останется непререкаемым. Блестящим подтверждением этого положения служит концертантка. Полное красноты и оригинальности исполнение ею русской песни дает слушателю неоценимое эстетическое наслаждение, а глубоко продуманная, осмысленная и строго целомудренная трактовка исполняемых вещей открывает слушателю возможность проникновения в суть русской души, выливающейся в произведениях народного творчества. В этом отношении две песни Плевицкой могут сделать больше какого-нибудь многолетнего научного труда по психологии обитателей русской деревни».

Г. Доброхотов оказался интересным виртуозом на балалайке. Этот плоский трехструнный инструмент, вызывающий самым своим видом снисходительно-ироническую улыбку, творит в его руках чудеса...

На перроне ее провожала большая толпа. Прекрасная певица покидала Закаспий. Впереди у нее двадцать семь лет жизни. После революции — нелужная, постылая эмиграция. Париж. То-гда по Родине, по родным курским солодьям. Смерть во французской каторжной тюрьме, куда ее заточили по навету.

В. СТЕРЛИГОВ.